

Олег Северюхин

Зеркало

Фантастическая повесть из истории
государства Российского

Олег Васильевич Северюхин
Зеркало. Фантастическая
повесть из истории
государства Российского

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11252417
ISBN 9785447414757

Аннотация

Космические пришельцы и предметы космического происхождения оказывали влияние на историю мира и России, и кто его знает, возможно, другие артефакты ведут нашу страну по пути тоталитаризма к полному и окончательному развалу по примеру Древнего Рима.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

**Зеркало
Фантастическая
повесть из истории
государства Российского**

Олег Северюхин

© Олег Северюхин, 2023

ISBN 978-5-4474-1475-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Северюхин Олег

Глава 1

Археология всегда являлась уделом просвещенных умов и грабителей. Одни учили историю и сидели над черепками битой посуды, чтобы понять характер эпохи и живших в ней людей. Другие изучали карты древних поселений, чтобы первыми прибыть туда, пошуровать кайлом в поисках золотых и серебряных изделий или незатейливых поделок, которые в наше время расцениваются как невиданные произведения искусства, не имеющие цены, а если и имеющие цену, то очень высокую и доступную лишь ограниченному количеству людей.

Часть археологов не выезжает на раскопки, а крутится вокруг старых зданий, которые готовятся к сносу и откуда любознательный народ тащит во все стороны старые дверные ручки, шпингалеты, половые доски, двери с косяками или оконные рамы. За ними в дома заходят кладоискатели, вооруженные молоточками и молотками, отвертками и зубилами, слуховыми трубками, как деревянными, докторскими, так и современными стетофонендоскопами, генераторами звуков, металлоискателями, решетками для просеивания сыпучих материалов и другой аппаратурой, которые, как и «медвежатники», в основном делают сами.

В большинстве своем эти люди уходят из старых домов без добычи. Иногда и им что-то отваливается в виде ржаво-

го ножа или заплесневевших крестиков, кружек с чашками или черепков от них, которые после отмывания в крепких растворах либо выбрасываются, либо раздариваются любителям старины.

Однажды в такой дом заглянул и я с целями, можно сказать, обыденными. В связи с перестройкой была нарушена не только система государственного и хозяйственного управления, но и система общественных туалетов. У кого есть камни в почках, те знают, как это бывает. Не дай Бог поживиться этими заболеваниями, которые возникают в основном у тех, кто смолоду не заботится о своем здоровье.

Дом был уже полностью опустошен. И оставались считанные часы до того времени, когда жилой дух навсегда покинет его стены.

На полу одной комнаты валялась груда больших, старых, пожелтевших листов. Из чистого любопытства я поднял твердый, ломающийся по краям листок. Что в нем написано не было видно, но, присмотревшись, я увидел буквы, похожие на кириллицу, но написанные как готические, красивые и заостренные снизу.

Листов было не менее двухсот. Наверное, под воздействием обстановки во мне вдруг проснулся исследовательский дух.

Я аккуратно собрал валявшиеся вокруг листы и сложил их в полиэтиленовый пакет с ручками, который постоянно был в кармане моего пальто и выполнял функции «авоськи» (бы-

ла такая сумка в виде сетки, которую носили постоянно с собой, а ось чего-то придется нести).

Свою находку я забросил в дальний угол ящика письменного стола, положил в долгий ящик, как говорят, и вернулся к ней совершенно случайно года через два.

За это время старый дом полностью снесли и построили новый дом, в котором и мне посчастливилось приобрести квартиру.

После доделки квартиры «под себя», переезда и расстановки вещей наступает момент, когда вообще ничего не хочется делать. И чем-то заниматься тоже не хочется.

У женщин лекарством от хандры является поход по магазинам ни за чем. Мужчины начинают разбирать свой инструментальный ящик. Перебирая отвертки, вспомнил, что необходимо укрепить шурупы в дверце письменного стола. Естественно, натолкнулся на найденную рукопись, которую от нечего делать решил посмотреть. Шурупы подождут.

Судя по бумаге и почерку, писал иностранец, вероятно, свинцовым карандашом, что указывает, примерно, на семнадцатый век. Но содержание...

Признаться, сначала у меня не хватало интеллекта, чтобы понять, о какой стране идет речь. Рассортировав листы, я углубился в чтение, которое было прервано настойчивыми требованиями жены, ложиться спать. Я читал и не верил своим глазам. Судя по всему, мне достался документ, относящийся к XVI веку.

Глава 2

«Мое имя есть Яков Пфэффер. По приказу епископа Геттингенского я приехал в страну Россию из Германии для просвещения варваров, которые метались от одной религии к другой и не знали никаких основ цивилизации.

Я по профессии есть просветитель и записыватель всех происходящих исторических событий. В России тоже есть записыватели, но их почему-то называют летописцами. Лето записать нельзя. Также нельзя записать осень. Записыватель, по-немецки гешрайбер, дает очень точное определение моей профессии.

Россия – это огромная страна, заполненная дремучими лесами, в которых живут дикие люди и водятся огромные медведи, от которых произошли Россияне.

Я приехал в Россию в последние годы царствования Великого князя Иоанна III. В это время и произошло то, из-за чего я не могу вернуться на свою родину, так как меня будут пытаться в святой инквизиции, добываясь правды и очищая меня от связей с Сатаной.

Я не могу покинуть и княжеский двор, так как я один являюсь поверенным в великой тайне, и любая моя попытка даже высказать намерение к возвращению приведет меня на плаху, где палач огромным топором четвертует мое тело. А до этого меня будут долго пытаться, чтобы убедиться

в том, что тайна сохранена или передана мною кому-либо. Смерть меня ждет потому, что тайна, доверенная человеку, уже не является тайной. А тайна вообще не может быть тайной, так как то, о чем я говорю, существует и мне придется давать новому государю объяснение по ее существу.

Я живой человек и не в моих силах уносить тайну в могилу. Человек должен оставить какой-то след после своей жизни. Пусть этим следом будет эта тайна, которая мне не принадлежит, но и дорожить ею я не намерен, потому что она лишила меня родины и родных мне людей, обрекла на жизнь среди диких людей, которые и мне стали родными, но непонятными и враждебными.

В древние времена у фригийского царя Мидаса выросли ослиные уши. Невежда в музыке он взялся судить музыкальный турнир между Аполлоном и Паном и присудил победу Пану. За это Аполлон и подарил ему уши осла. С сильным не судись.

Знающий об этом придворный брадобрей не мог ходить с этой тайной, не поделившись с кем-нибудь. Тогда он уединился на озере и несколько раз произнес, что у царя Мидаса ослиные уши. Его услышал тростник, из которого потом сделали свирель, и которая пела о том, что у царя Мидаса ослиные уши.

То же самое происходит и со мной. Я поделюсь своей тайной с бумагой, а она может рассказать, а, может, и не рассказать эту тайну. Но зато мое сердце будет спокойно.

Прежде чем сообщить о существовании этой тайны, мне нужно рассказать о царствовании Иоанна III, потому что без этого никто не поверит в существование тайны, могущей перевернуть историческую судьбу России.

Князь Иоанн Васильевич двенадцати лет от роду сочетался браком с Мариєю, Тверскою княжною. На восемнадцатом году жизни имел сына, именем также Иоанна. На двадцать втором году жизни сделался государем российским.

По рассказам дворовых людей, в лета пылкого юношества он изъявлял осторожность, свойственную умам зрелым, опытным, а ему природную. Не любил дерзкой отважности — ждал случая, избирал время. Не устремлялся к цели быстро, но двигался к ней размеренными шагами, опасаясь равно и легкомысленной горячности, и несправедливости, уважая общее мнение и правила века. Назначенный судьбою восстановить единое государство в России, он предпринял великое дело подчинения новгородцев.

Новгородцы еще были за Москвою, но сомневаясь в твердости Иоаннова характера, они вздумали быть смелыми и унижить гордость Москвы, восстановить древние права своей вольности, утраченные излишнею уступчивостью их отцов и дедов.

С сим намерением они приступили к делу. Захватили многие доходы, земли и воды княжеские. Взяли с жителей присягу только именем Новагорода, презирали Иоанновых наместников и послов. Властью Веча брали знатных людей

под стражу на городище, месте, не подлежащем народной управе, и делали обиды москвитянам.

Государь несколько раз требовал от них удовлетворения, а они молчали. Вдова бывшего посадника новгородского Исаака Борецкого по имени Марфа предприняла попытки решить судьбы отечества.

Сия гордая жена хотела освободить Новгород от власти Иоанновой и выйти замуж за какого-нибудь вельможу литовского, чтобы вместе с ним господствовать над своим отечеством. Многочисленное посольство отправилось в Литву с богатыми дарами и с предложением, чтобы князь литовский Казимир был главою новгородской державы на основании древних уставов ее гражданской свободы. Казимир принял все условия.

И так сей народ легкомысленный еще желал мира с Москвою и думал, что Иоанн устрашится Литвы, не захочет кровопролития и малодушно отступится от древнейшего княжества Российского.

Никакие увещевания государя российского не действовали на новгородцев. Тогда Иоанн произнес решительное слово «да будет война!»

И началось страшное опустошение. С одной стороны, воевода Холмский и рать великокняжеская, с другой псковитяне, вступив в землю Новгородскую, истребляли все огнем и мечом. Дым, пламя, кровавые реки, стон и вопль от востока и запада неслися к берегам Ильменя. Москвитяне изъ-

являли остервенение неописанное. Новгородцы-изменники казались им хуже татар. Не было пощады ни бедным земледельцам, ни женщинам.

Псковитяне взяли Вышегород. Холмский обратил в пепел Русу. Не ожидав войны летом и нападения столь дружного, сильного, новгородцы послали сказать Великому князю, что они желают вступить с ним в переговоры, а сами устроили нападение на москвитян.

Пехота новгородская, пройдя по Ильменю на судах, внезапно ударила на оплошных москвитян. Но Холмский и товарищ его, боярин Феодор Давидович, храбростию загладили свою неосторожность, положили на месте 500 неприятелей, рассеяли остальных, и с жестокосердием, свойственным тогдашнему веку, приказав отрезать пленникам носы, губы, посылали их искаженных в Новгород.

Москвитяне бросили в воду все латы, шлемы, щиты неприятельские, взятые в добычу ими, говоря, что войско Великого князя богато собственными доспехами и не имеет нужды в изменнических.

Новгородцы приписали сие несчастье тому, что конное их войско не соединилось с пехотным, и что особенный полк Архиепископский отрекся от битвы, сказав:

– Владыка Феофил запретил нам поднимать руку на Великого князя, а велел сражаться только с неверными псковитянами.

Желая обмануть Иоанна, новгородские чиновники от-

правили к нему второго посла с уверением, что они готовы на мир, и что войско их еще не действовало против московского.

Но Великий князь уже имел известие о победе Холмского, и, став на берегу озера Коломны, приказал сему воеводе идти за Шелонь навстречу псковитянам и вместе с ними к Новгороду: Михаилу же Верейскому осадить городок Демон.

В самое то время, когда Холмский думал переправляться на другую сторону реки, он увидел неприятеля столь многочисленного, что москвитяне изумились. Их было пять тысяч, а новгородцев от тридцати до сорока тысяч.

Но воеводы Иоанновы, сказав дружине, – Настало время послужить государю; не убоимся ни трехсот тысяч мятежников; за нас правда и господь вседержитель, – бросились на конях в Шелонь, с крутого берега, и в глубоком месте.

Новгородцы не стояли ни часу. Лошади их, язвимые стрелами, начали сбивать с себя всадников; ужас объял воевод малодушных и войско неопытное; обратили они тыл; скакали без памяти и топтали друг друга, гонимые, истребляемые победителем; утомив коней, бросались в воду, в тину болотную; не находили пути в лесах своих, тонули или умирали от ран; иные же проскакали мимо Новгорода, думая, что он уже взят Иоанном.

В безумии страха им везде казался неприятель, везде слышался крик: Москва! Москва! На пространстве двенадцати верст полки великокняжеские гнали их, убив двенадцать ты-

сяч человек, взяли одну тысячу семьсот пленников. Холмский и боярин Феодор Давидович, трубным звуком возвестив победу, сошли с коней, приложились к образам под знаменами и прославили милость неба...»

Глава 3

Писана эта история человеком либо самому бывшим свидетелем происходящих событий, либо слушавшему изустные рассказы об этом.

Для верности я обратился к истории государства российского Н. М. Карамзина, изданной в 1842 году в типографии г. Санкт-Петербурга. И хронология соблюдена и последовательность изложения. Неужели я нашел рукопись самого Карамзина, почему-то написанную от имени какого-то Якова Пфеффера?

Сравнив фотокопию рукописи Карамзина с имеющимся у меня документом, я понял, что Карамзин к ней и не прикасался. Да и возраст, и качество бумаги наводили на мысль о том, что документ сей много старше самого Карамзина.

«Миновало около двух недель после Шелонской битвы, которая произвела в новгородцах неописанный ужас. Они надеялись на Казимира, и с нетерпением ждали вестей от своего посла, отправленного к нему через Ливонию, с усиленным требованием, чтобы король спешил защитить их; но сей посол возвратился, и с горестью объявил, что магистр ордена не пустил его в Литву.

Сильное брожение открылось в Новагороде. Народ рассуждал, что времена переменились; что небо покровительствует Иоанну и дает ему смелость вместе со счастьем; что

сей государь правосуден: карает и милует; что лучше спастись смирением, нежели погибнуть от упрямства. Народ видел в Марфе-посаднице главную виновницу сей бедственной войны; он требовал хлеба и мира.

Новгородцы за свою вину обещали внести в казну великокняжескую пятнадцать тысяч рублей или около восьмидесяти пудов серебра, в разные сроки; возвратили Иоанну прилежащие к Вологде земли, берега Пинеги, Мезены, Немьюги, Выи, Поганой Суры, Пильи горы, места, уступленные ими Василию Темному, но после отнятые силою; обязались в назначенные времена платить государям московским черную или народную дань, также и митрополиту судную пошлину, клялися ставить своих архиепископов только в Москве, у гроба св. Петра Чудотворца, в дому Богоматери; не иметь никакого сношения с королем польским, ни с Литвою; не принимать к себе тамошних князей и врагов Иоанновых, князя Можайского, сыновей Шемяки и Василия Ярославовича Боровского; отменили так называемые Вечевые грамоты; признали верховную судебную власть государя московского, в случае несогласия его наместников с новгородскими сановниками; обещались не издавать впредь судебных грамот без утверждения и печати Великого князя, и прочее.

Марфу-посадницу Борецкую Великий князь в договоре не упомянул, как бы из презрения к слабой жене...

Еще Новгород остался державою народною, но свобода

его была уже единственно милостию Иоанна и должноствовала исчезнуть по мановению самодержца. Нет свободы, когда нет силы ее защитить...»

Все как-то современно и своевременно. Обстановка в новой, обновленной России такая же, как и во времена Ивана III.

Удельные князья, решающие, подписывать или не подписывать Федеративный договор, мечтающие о введении своего государственного языка в ущерб русскому народу и другим народам, не знающих их языка, нападающие на армию российскую, нося на плечах генеральские погоны, не выплачивающие федеральные налоги, но требующие поддержки от Центра.

Времена молодости Ивана III, кажется, уже начинают проходить. Придет царь новый, милосердный, соберет всех воедино, усадит за один стол и ласково заставит жрать без соли свои Вечевые грамоты, раздирающие государство Российское на части. Заставит поверить, что жить в мире и дружбе намного лучше и выгоднее, чем бодаться как неразумным теляти с вековым дубом.

С другой стороны, если дать народу возможность решать вопросы отношений с властью, то вопросы будут решаться быстрее и эффективнее и без штурма городов. Правда, в России такое невозможно. Любой прогрессивный царь не даст свободы народу.

Глава 4

«Одержав сии победы, судьба Иоаннова ознаменовалась новым величием посредством брака, важного и счастливого для России, ибо следствием одного брака было то, что Европа с любопытством и с почтением обратила взор на Москву, дотоле едва известную; что государи и народы просвещеннейшие захотели нашего дружества; что мы, вступив в непосредственные сношения с ними, узнали много нового, полезного как для внешней силы государственной, так и для внутреннего гражданского благоденствия.

Дочь последнего императора греческого Константина Палеолога Софья стала новой женой Иоанна. Многие греки, приехавшие с царвеною, сделались полезны в России своими знаниями в художествах и в языках, особенно в латинском, необходимом тогда для внешних дел государственных; обогатили спасенными от турецкого варварства книгами московские библиотеки и способствовали великолепию нашего двора сообщением ему пышных обрядов византийских, так, что с сего времени столица Иоаннова могла действительно именоваться новым Царемградом, подобно древнему Киеву.

Иоанн, по свойству с царями греческими, принял и герб их, орла двуглавого, соединив его на своей печати с московским: то есть, на одной стороне изображался орел, а на другой всадник, попирающий дракона, с надписью: «Великий

князь Божиею милостию господарь всея Руси».

С лета 1462 по лето 1475 от рождества Христова царь Иоанн привнес много полезного для России. Сей монарх готовил знаменитость внешней своей политики утверждением внутреннего состава России: желал ввести совершенное единовластие, истребить уделы, отнять у князей и граждан права, несогласные с оным, но только в удобное время, пристойным образом, без явного нарушения торжественных условий, без насилия дерзкого и опасного, верно и прочно, одним словом, с наблюдением всей свойственной ему осторожностью.

Новгород изменял России, пристав к Литве; войско его было рассеяно, гражданство в ужасе: Великий князь мог бы тогда покорить сию область, но мыслил, что народ, веками приученный к выгодам свободы, не отказался бы вдруг от ее прелестных мечтаний; что внутренние бунты и мятежи развлекли бы силы государства Московского, нужные для внешней безопасности; что должно старые навыки ослаблять новыми и стеснять вольность прежде уничтожения оной, дабы граждане, уступая право за правом, ознакомились с чувством своего бессилия, слишком дорого платили за остатки свободы, и, наконец, утомляемые страхом будущих утеснений, склонились предпочесть ей мирное спокойствие неограниченной государевой власти.

Сначала военным, а потом дипломатическим порядком покорился Новгород Иоанну, более шести веков слыв в Рос-

сии и в Европе державою народною или Республикою, и действительно имел образ демократии: ибо Вече гражданское присваивало себе не только законодательную, но и высшую исполнительную власть: избирало, сменяло не только посадников, тысяцких, но и князей, ссылаясь на жалованную грамоту Ярослава Великого; давало им власть, но подчиняло ее своей верховной; принимало жалобы, судило и наказывало в случаях важных; даже с московскими государями, даже с Иоанном заключало условия, взаимною клятвою утверждаемые, и в нарушении оных, имея право мести или войны; одним словом, владычествовало как собрание народа афинского или франков на поле Марсовом, представляя лицо Новагорода, который именовался Государем.

Покорение Новагорода есть важная эпоха сего славного княжения; следует другая, еще важнейшая; торжественное восстановление государственной независимости, соединенное с конечным падением Большой или Золотой Орды. Тут ясно открылась мудрость Иоанновой политики, которая неуспынно искала дружбы ханов таврических, чтобы силою их обуздывать Ахмата и Литву.

Уверенный в дружбе крымского Менгли-Гирея и в собственных силах, Иоанн решился вывести хана Ахмата из заблуждения, и торжественно объявить свободу России следующим образом. Сей хан направил в Москву новых послов требовать дани.

Их представили к Иоанну: он взял басму (или образ ца-

ря), изломал ее, бросил на землю, растоптал ногами; велел умертвить послов, кроме одного, и сказал ему:

– Спешి объявить царю виденное тобою; что сделалось с его басмою и послами, то будет и с ним, если он не оставит меня в покое.

Ахмат вскипел яростию.

– Так поступает раб наш, князь Московский! – говорил он своим вельможам и начал собирать войско.

Великий князь принял сам начальство над войском, прекрасным и многочисленным, которое стояло на берегах Оки реки, готовое к битве. Иоанн был в положении Дмитрия Донского, шедшего сразиться с Мамаем. Дмитрий победил Мамаю, чтобы видеть пепел Москвы и платить дань хану Тохтамышу.

Иоанн имел славолюбие не воина, но государя; а слава последнего состоит в целости государства, не в личном мужестве: целость, сохраненная осмотрительностью, славнее гордой отважности, которая подвергает народ бедствию. Сии мысли казались благоразумием Великому князю, так, что он желал, если можно, удалить решительную битву, чтобы самому не остаться без войска.

Две недели стояли два войска на берегах реки Угры, которую россияне первые назвали поясом Богоматери, охраняющим московские владения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.